УДК 32.001

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Салимов Парваз Вахтангович,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
преподаватель кафедры
«Международное сотрудничество»,
Москва, Россия.
E-mail: parvaz@mail.ru.

Аннотация
В предлагаемой работе сопоставляются и анализируются эти подходы к осмыслению феномена постсоветского пространства, а также рассматриваются геополитические и исторические особенности постсоветского пространства. При этом особое место уделено сопоставлению двух ключевых геополитических теорий: атлантизма и евразийства.

Ключевые понятия:
постсоветское пространство,
геополитика,
империя,
устрашение.

Распад СССР в конце 1991 привел к появлению на его месте новых независимых государств: Армении, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины. Страны Балтии – Латвия, Литва и Эстония – вышли из состава СССР чуть раньше: их независимость была окончательно признана в начале сентября 1991 года. По мнению большинства российских исследователей, страны Балтии избрали путь восстановления прежней государственности и поэтому не являются «новыми независимыми государствами» с юридической точки зрения [4; 12]. В рамках такой логики страны Балтии, как правило, несправедливо выпадают из контекста анализа постсоветского пространства.

В официальной современной трактовке отношения со странами постсоветского пространства, иначе говоря, странами СНГ, пользуются преимущественным приоритетом. Так, В.Путин в своем телеинтервью в октябре 2006 года, отвечая на вопросы граждан, назвал «сотрудничество со странами СНГ абсолютным приоритетом внешней политики Российской Федерации» [13]. И это закономерно с точки зрения политических, экономических и гуманитарных интересов России. Действительно, непосредственная общность границ, многовековые узы, единая система экономических, политических и культурных ценностей, общность интересов безопасности определяют для России значение постсоветского пространства. При этом в политологическом осмыслении взаимоотношений России с новыми независимыми государствами преобладает определенная двойственность: с одной стороны, признаются особая роль и место России на постсоветском пространстве, с другой стороны – постоянно делается акцент на отсутствии у России «особых прав» в отношениях с государствами постсоветского пространства. Известный российский исследователь К.Брутенц по этому поводу пишет следующее : «Общие угрозы, намного превосходящая мощь России и ее моральная ответственность за независимость и судьбу молодых государств, вылупившихся из общего исторического кокона, следы пребывания в одном государстве и едином хозяйственном организме обуславливают особое положение Москвы, так сказать в кругу бывших советских «родственников». Все это не дает ей никаких особых прав, но лишь обеспечивает определенные преимущества...» [3, с. 463].

На наш взгляд, необходимо снять подобную двойственность подходов и четко ответить на вопрос о месте и роли России на постсоветском пространстве. Следовательно, необходимо выявить ключевые особенности постсоветского пространства, позволяющие классифицировать его как отдельный геополитический регион.

Территория России как важнейший элемент ее геополитического пространства складывалась на протяжении многих веков. Какими путями и в каких формах это происходило? Казалось бы, убедительные ответы на этот вопрос давались неоднократно. Тем не менее, он вновь и вновь поднимается в зарубежных и отечественных научных и политических кругах.

Нельзя изучать политику государства без соотношения ее с историей. В этой связи представляется целесообразным коротко остановиться на некоторых моментах, связанных с территориальным пространством России. Складывание российской территории вокруг ставшего к XV веку центром Руси Московского княжества происходило, в основном, четырьмя способами. Это добровольное вхождение народов в состав России; «ползучая аннексия» новых территорий как следствие войн с третьими странами; как результат завоевательных походов.

На Западе осознание превращения Руси в Российскую империю как великую континентальную державу с иной, отличной от либеральной западной, системой ценностей и государственности своеобразно проявилось в классической геополитике, которая и по сей день, по сути, сфокусирована на закономерности взаимного сдерживания и соперничества «больших пространств», в частности, дихтомии «суши» (континентальные державы) и «моря» (морские державы). Собственно термин «геополитика» был введен шведом Р. Челленом. Классические разработки принадлежат К. Риттеру, Ф.Ратцелю, К.Хаусхоферу [27; 29]. Именно атропогеографические и политико-географические воззрения Ф.Ратцеля стали тем фундаментом, на котором было выстроено все здание геополитики XX века. Все эти ученые были пангерманистами и идеологами расширения немецкого Großraum на Восток. Именно этим объясняется использование подобных доктрин в германской экспансии на Восток в двух мировых войнах.

В терминологии британской классической геополитики Х. Маккиндера [28], на основании которой во многом и по сей день осуществляется политика сдерживания России со стороны совокупного Запада под эгидой англосаксонских интересов, Евразия названа Мировым островом, контроль над которым обеспечивает господство над миром. Территория к востоку и западу от Урала, особенно ее южная часть с центром почти в Крыму, определена как Сердцевина Земли – Хартленд. Задача англосаксонской геостратегии отныне – контроль над Хартлендом (Сердцевиной), что обеспечивает управление над Мировым островом и как следствие над всем миром. Но Сердцевина, организатором которой могут быть на континенте либо русские, либо немцы, обретает глобальную роль только при вхождении в нее Восточной Европы от Балтии до Черного и Средиземного морей. Эта отвлеченная абстракция лежит в основе извечной, прагматической и рациональной англосаксонской политики: предупредить усиление любой континентальной державы и не допустить гипотетической русско-германской entente, которая не оставляет места для какой – либо руководящей роли англосаксонских интересов. Еще в 1919 году Х. Маккиндер писал, что Россия уже к началу века уступила Германии роль системообразующего центра в Восточной Европе, но примечательно, что Россию он отождествляет с Евразией [28, p. 186].

В современной российской политологической науке ряд авторов трактуют геополитику пройденным и умозрительным этапом на пути к глобализации, реализуемой на идеологических постулатах и экономических реалиях – «нового мирового порядка», «конца биполярного мира», «транснационального мира или суверенитета», «американской идее», «европейской и азиатской модели», наконец, либерализма и демократии [5]. В этой связи можно согласиться с точной характеристикой В. Максименко: «Предложения «интерпретировать префикс «гео» в термине «геополитика» не как картографическое измерение международно-политической реальности, а как восприятие мирового сообщества в качестве единой и «завершенной» системы в масштабах всей планеты» имеют отношение к господствующим идеологическим представлениям о «глобализации», но никак не к практической геополитике» [16, с. 49]. Отрадно отметить, что кроме интерпретации геополитики как общепланетарной идеи, в постсоветской России вышел ряд непредвзятых научных работ по осмыслению геополитики в современном мире как продолжению классической Realpolitik [6; 15; 19; 20; 23].

Сегодня политологи вновь видят на карте не гармонию между государствами, а возникшие несовершенства: исторически преемственные рубежи России оказались под серьезным внешним давлением, целые регионы по периметру исторических сухопутных и морских границ России открыто объявлены зоной стратегических интересов США, в Черноморско-Каспийском стратегическом районе все более активно проявляет себя Турция, Украина оказалась под мощным давлением Галиции, государства Прибалтики осуществили свое «возвращение в Европу», а православная Грузия осуществляет свой дрейф в рамках «атлантической» стратегии. Анализ закономерности возникновения и сущности начавшегося в 1990 годы и продолжающегося и в XXI веке процесса передела Евразии все чаще отсылает исследователей к классическим геополитическим константам. Символом этого явления могут служить две примечательнее работы, которые вышли в свет почти одновременно. Первой является популярная и часто цитируемая в России книга американского политолога Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» [2]. Второй является работа русского политолога Александра Дугина «Основы геополитики. Геополитическое будущее России» [8]. Примечательно, что в обеих книгах на основе одной и той же теоретико-методологической базы сформулированы противоположные политические цели и сопутствующие им стратегии. Работа Зб.Бжезинского – это квинтэссенция идей атлантизма, тогда как работа А. Дугина постулирует основные идеи евразийства в их геополитической логике.

Будучи ярым поборником идей атлантизма, Збигнев Бжезинский основывается как на своих предыдущих работах, так и на работах своих идеологических соратников в США и, следовательно, не нуждается в обширных исторических экскурсах по теме и разъяснении методологических принципов. Сфокусировав свой взгляд на идущем еще со времен «холодной войны» конфликте США и СССР, он рассматривает его как «классический исторический конфликт двух крупных держав. Но это больше, чем национальный конфликт. Это борьба двух имперских систем».Отсюда всегда следовало и следует «старое, почти традиционное геополитическое столкновение крупной морской державы и доминирующей континентальной державы» [26]. Понимание Бжезинским геополитической логики в книге «Великая шахматная доска» доказывает преемственность и верность идеи конфликтов больших государств. Именно на этой первооснове автор ищет концептуальную раму для обеспечения национальных интересов США.

Управлять нынешним миром – значит формировать стратегию в своих интересах. Это в подаче Бжезинского означает достичь того, чтобы центральная часть Евразии была втянута в орбиту Запада; чтобы южный евразийский регион не был под контролем одного континентального игрока; а восток Евразии не был объединен таким образом, что США были бы вытеснены с американских баз. Только при таком геополитическом раскладе США смогут получить Евразию как «Главный геополитический приз».

Россию он классифицирует как «евразийскую империю» [26, с. 43–64, 108].

Анализируя ситуацию, связанную с развалом СССР, Бжезинский пишет о том, что это «серьезный вызов» для Америки. При этом в качестве долгосрочной американской задачи он ставит недопущение «возрождения вновь евразийской империи» [26, с.108]. Распад Советского Союза в конце 1991 году в геополитическом плане З.Бжезинский оценивает как «развал многовековой, с центром правления в Москве, великой Российской державы» [26, с.109]. В его интерпретации постсоветское пространство – это «пространство, веками принадлежавшее царской империи и в течение трех четвертей века Советскому Союзу под главенством русских. Теперь оно заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета… Их жизнеспособность представляется сомнительной» [26, с. 110].

Работа А. Дугина «Основы геополитики» существенно выделяется в большом количестве книг и статей о геополитике, которыми полна современная российская политология [21, с. 225–287].

В противоположность З. Бжезинскому, который при анализе и прогнозах исходит из устройства мира после «холодной войны» как мира при неоспоримой и явной гегемонии США, А. Дугин, наоборот, опирается преимущественно на статичную логику евразийской геополитики, его видение будущего полно рассуждений о вероятных возможностях и условиях. При этом оба автора рисуют совершенно противоположные картины национальных интересов и стратегий США и России. Объединяет лишь их

одно: оба осмысливают Россию как империю. Но если имперская сущность России, признаваемая З. Бжезинским, по вполне понятным причинам ему не нравится, но, будучи добросовестным исследователем и высококлассным аналитиком, он не может не принимать ее во внимание, А. Дугин «имперскость» России считает базовым условием ее существования: Россия может существовать только как континентальная империя, т.е. государственное образование, объединяющее различные национальности, а, возможно, и государства.

В представлении Дугина объединение Евразии может произойти только вокруг новой Российской империи. В соответствии с его концепцией русская империя должна «учитывать локальные, этнические, религиозные, культурные, этические и т.д. особенности регионов, придав этим элементам юридический статус». А. Дугин утверждает, что Российская Федерация – это, скорее, «территориальный процесс», чем стабильная геополитическая единица. Происходит «собирание империи», которое является необходимым условием существования России в качестве независимого государства. Для Дугина основной задачей в противостоянии с атлантической цивилизацией (Запад и США) является превращение «береговых линий» Евразии в союзников России, стратегическое проникновение в «прибрежные зоны» или по крайней мере «обеспечение полного и строгого нейтралитета как можно большей части Римленда» (понятие, введенное американским геополитиком Н. Спайкменом для обозначения береговой зоны Евразии). При этом в понимании А. Дугина такая стратегия не должна осуществляться путем военизированной экспансии, аннексии: речь идет о создании дружественного союзничества Хартленда и Римленда. Заполучить Римленд на свою сторону является для России предпосылкой того, чтобы стать «континентальной геополитической силой». Долговременная цель заключается в создании Евразийской империи, супергосударства. Новая империя должна быть «евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе – Мировой». Геополитически сформированной Россия станет только тогда, когда выход к холодным морям севера и востока дополнится выходом к южным и западным морям [8, с. 212–213, 184, 172, 168, 212, 213].

Взгляд А. Дугина на Евразию является взглядом «изнутри» континента, из государства, которое З.Бжезинский описывает в главе «Черная дыра» [2, с. 108–148]. А. Дугин основывается на евразийстве П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого [10; 11; 22; 24].

Известные современные исследователи евразийской концепции С.П.Глинкина и И.И.Орлик подчеркивают, что евразийство сложно по своему содержанию, представляя систему, сформированную на основе комплексного подхода, но несомненной заслугой евразийцев считается то, что «они создали концепцию исторического, геополитического, культурного, этнографического единства России – Евразии, которая, по сути, является особым геоприродным, историческим и социокультурным миром» [7, с. 215].

Исходя из фундаментального тезиса о необходимости сохранения «евразийского пространства», «евразийской общности», евразийцы считали исторически и природно-географически обоснованными империю Чингисхана, Московское государство, Российскую империю, СССР как преемственные формы евразийского объединения [24, с. 285]. Следуя логике евразийцев, распад СССР, произошедший в начале 1990-х годов, можно рассматривать как процесс смены исторического ритма евразийского пространства, просуществовавшего почти пятьсот лет и разрушенного за считанные годы [10].

Таким образом, подводя итог, необходимо сделать следующие выводы:

1. Самая базовая, самая фундаментальная характеристика постсоветского пространства как геополитического феномена заключается в том, что это пространство бывшего СССР, но сам СССР возник на территории бывшей Российской империи, русского государства, постепенно расширявшегося по своему периметру за счет своих слабых соседей. Как отмечал известный российский исследователь Д.Е. Фурман, «постсоветское пространство» –это бывшее «советское пространство», а оно, в свою очередь, – бывшее «имперское пространство». И это единственный объективный признак, позволяющий такое пространство очертить» [25, с. 7].

2. Пребывание «постсоветского пространства» в Российской империи и в СССР создало это пространство и определило его базовые характеристики. Каждая империя уникальна, да и сам термин «империя» определяет очень разные государства (Британская империя, Оттоманская империя, равно как и империи древности, очень разные по сути). Базовой характеристикой

Российской империи является ее «компактный» характер: присоединенные территории никогда не являлись «заморскими владениями», а непосредственно примыкали к континентальному «ядру», коим, по сути, было государство Российское, и образовывали ее «окраины». При этом «системообразующее ядро» – Россия – было достаточно монолитным: русские составляли около половины населения, и русские земли занимали более половины территории, «окраины» же – «пестрыми», заселенными множеством небольших и очень разных народов. Эту же организацию – тяжелое русское «ядро» и пеструю периферию – унаследовал от Российской империи и СССР. Подобная ситуация, несмотря на националистическую политику отдельных новых «постсоветских» государств, сохраняется и сейчас, поскольку большинство исследователей и политиков разной идеологической направленности продолжают рассматривать «постсоветское пространство» как единое целое. Таким геополитическим целым оно и является по сути.

3. В условиях любого оформления в юридическом формате (империя, СССР, СНГ и т.п.) «постсоветское пространство» – это пространство большой России как континентальной евразийской державы. При этом приверженцы как геополитической логики атлантизма, так и евразийской геополитики отождествляют Россию и Евразию. Россия – это «ядро», являющееся системообразующим элементом гетерогенных окраин, иначе говоря «Русского мира» [18].

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. М., 1997.

2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1997.

3. Брутенц К. Закат американской гегемонии. М., 2009.

4. Внешняя политика и безопасность России 1991–2002. В 4-х т. Под ред. Т.А. Шаклеиной. Т. 2. М., 2002.

5. Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997.

6. Геополитика: теория и практика. Под ред. Э.А.Позднякова. М., 1993.

7. Глинкина С.П., Орлик И.И. Евразийская идея на постсоветском пространстве // Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М., 2012.

8. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

9. Евразийство. Теория и практика. М., 2001.

10. Евразия в поисках идентичности; под ред. С.П. Глинкиной, Л.С. Зевина. М., 2011.

11. Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.

12. Загорский А.В. Россия и СНГ // Внешняя политика Российской Федерации 1992–1999. Под ред. А.В. Торкунова. М., 2000.

13. Известия. 2006. 16 октября.

14. Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992.

15. Киселев С.Н., Киселева Н.В. Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь, 1994.

16. Максименко В.И. Россия и Азия, или Анти-Бжезинский. Восток, 2000, N 5, с. 49.

17. Мединский В. О русской угрозе и секретном плане Петра I. М.: Олма медиа групп, 2010.

18. Мухина Я.Б., Омарова З.М. Россия и «Русский мир»: контуры российской политики в отношении соотечественников на постсоветском пространстве. М., 2009.

19. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005.

20. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., 2006.

21. Российская наука международных отношений: новые направления; под ред. А.П. Цыганкова. М., 2005.

22. Савицкий П.Н. Континент Евразия. Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике. М., 2007.

23. Стариков Н. Геополитика. Как это делается. М., 2014.

24. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999.

25. Фурман Д.Е. О будущем «постсоветского пространства» // Внешняя политика и безопасность современной России 1991–2002 гг. В 4-х т. М., 2002. Т. 3.

26. Brzezinski Z. Game Plan. How to Conduct the U.S. Soviet Contest. New York: The Atlantic Monty Press, 1986.

27. Haushofer K. Grenzen in ihre geografischen und politischen Bedeutung. Hdlb., 1939.

28. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Wash. D.C., 1996.

29. Ratzel F. Antropogeographie. Stuttgart, 1921.

References

1. Berdjaev N.A. (1997) Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX i nachala XX veka [Russian idea. Main problems of Russian philosophy of XIX and beginning of XX century], M. [in Rus].

2. Bzhezinskij Z. (1997) Velikaja shahmatnaja doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [Great checkmate desk. American domination and its geostrategic imperatives], M. [in Rus].

3. Brutenc K. (2009) Zakat amerikanskoj gegemonii [Sunset of American hegemony], M.

4. Vneshnjaja politika i bezopasnost' Rossii 1991–2002 [Foreign affairs and Russian security in 1991–2002]. V 4-h t. Pod red. T.A. Shakleinoj. T. 2, M., 2002 [in Rus].

5. Gadzhiev K.S. (1997) Geopolitika [Geopolitics], M.

6. Geopolitika: teorija i praktika [Geopolitics: theory and practice]. Pod red. Je.A. Pozdnjakova, M., 1993. [in Rus].

7. Glinkina S.P., Orlik I.I. (2012) Evrazijskaja ideja na postsovetskom prostranstve [Eurasian Idea in the Post-soviet Space] // Global'naja jekonomika i zhizneustrojstvo

na poroge novoj jepohi, M. [in Rus].
8. Dugin A. (1997) Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushhee Rossii [Bases of Geopolitics. Geopolitical future of Russia], M. [in Rus].
9. Evrazijstvo. Teorija i praktika [Eurasianity. Theory and practice]. M., 2001 [in Rus].
10. Evrazija v poiskah identichnosti [Eurasia searches for identity]; pod red. S.P. Glinkinoj, L.S. Zevina, M., 2011 [in Rus].
11. Evrazija. Istoricheskie vzgljady russkih jemigrantov [Eurasia. Historical views of Russian emigrants]. M., 1992.
12. Zagorskij A.V. (2000) Rossija i SNG [Russia and Commonwealth of Independent States] // Vneshnjaja politika Rossijskoj Federacii 1992–1999. Pod red. A.V. Torkunova, M. [in Rus].
13. Izvestija. 2006. 16 oktjabrja [in Rus].
14. Il'in I.A. (1992) Nashi zadachi [Our goals], M. [in Rus].
15. Kiselev S.N., Kiseleva N.V. (1994) Razmyshlenija o Kryme i geopolitike [Reflections about Crimea and Geopolitics], Simferopol' [in Rus].
16. Maksimenko V.I. (2000) Rossija i Azija, ili Anti-Bzhezinskij [Russia and Asia, or anti- Bzhezinskij]. Vostok, N 5, 49 [in Rus].
17. Medinskij V. (2010) O russkoj ugroze i sekretnom plane Petra I [About Russian threat at the secret plan of Peter 1st]. M.: Olma media grupp. [in Rus].
18. Muhina Ja.B., Omarova Z.M. (2009) Rossija i «Russkij mir»: kontury rossijskoj politiki v otnoshenii sootechestvennikov na postsovetskom prostranstve [Russia and "Russian world": contours of Russian politics in relevance to compatriots in the post-soviet space]. M. [in Rus].
19. Narochnickaja N.A. (2005) Rossija i russkie v mirovoj istorii [Russia and Russians in world history]. M. [in Rus].
20. Pereslegin S. (2006) Samouchitel' igry na mirovoj shahmatnoj doske [Manual for playing on world checkmate desk], M. [in Rus].
21. Rossijskaja nauka mezhdunarodnyh otnoshenij: novye napravlenija; pod red. A.P. Cygankova [Russian international affairs science: new directions], M., 2005 [in Rus].
22. Savickij P.N. (2007) Kontinent Evrazija. Rossija i Evropa. Hrestomatija po russkoj geopolitike [Eurasian continent. Russia and Europe. Chrestomathy on Russian geopolitics], M. [in Rus].
23. Starikov N. (2014) Geopolitika. Kak jeto delaetsja [Geopolitics. How to do it]. M. [in Rus].
24. Trubeckoj N.S. (1999) Nasledie Chingishana [Chingiz-Khan's heritage], M. [in Rus].
25. Furman D.E. (2002) O budushhem «postsovetskogo prostranstva» [About post-soviet space future] // Vneshnjaja politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii 1991-2002 gg. V 4-h t. M. T. 3 [in Rus].
26. Brzezinski Z. (1986) Game Plan. How to Conduct the U.S. Soviet Contest. New York: The Atlantic Monty Press [in Eng].
27. Haushofer K. (1932) Grenzen in ihre geografischen und politischen Bedeutung. Hdlb.
28. Mackinder H.J. (1996) Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Wash. D.C. [in Eng].
29. Ratzel F. (1921) Antropogeographie. Stuttgart [in Eng].

UDC 32.001

GEOPOLITICAL PHENOMENON OF THE POST–SOVIET SPACE

Salimov Parvaz Vahtangovich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
the Tutor of the Department Chair
"International Cooperations",
Moscow, Russia.
E-mail: parvaz@mail.ru

Annotation
The present paper compares and analyzes these approaches to understanding the phenomenon of the post-soviet space, and also examines the geopolitical and historical features of the post-soviet space. Particular attention is paid to the comparison of two key geopolitical theories: Atlanticism and Eurasianism.

Key concepts:
post-soviet space,
geopolitical region,
empire, deterrence.